

кового качества. Для этой эпохи можно выделить шесть типов горшков, четыре типа кувшинов, четыре типа открытых мисок, два типа сковород и некоторые другие — типы местной грубой керамики.

Многие типы лощеной и грубой керамики, появляясь в Фанагории в III—IV вв., продолжают существовать и в более позднюю эпоху вместе с лощеной керамикой салтовского типа, как, например, различного типа узкогорлые кувшины (раскоп «Город Северный», 1948 г., пл. II, № 265, рис. 10), горшки с рифлением на плечах и т. д., что может служить доказательством сохранения городского поселения Фанагории и в последующее время.

Надо особо выделить очень интересным своеобразием своей формы боченкообразный сосуд хорошего черного лощения, сделанный на гончарном круге (Раскоп «Город Северный», 1939 г., пл. III, № 75). Его высота 19 см, диаметр 22,4 см. На внешней поверхности стенок, почти в центре тулова, проведены три горизонтальные вдавленные полосы, которые и заставляют сблизить этот сосуд с керамикой салтовского типа (рис. 11). С другой стороны, его форма несколько напоминает урну, найденную в Черняховском могильнике, которая, впрочем, имеет серьезное отличие в орнаменте и пазней части.

Анализ лощеной и лепной керамики Фанагории I—V вв. н. э. позволяет сделать вывод о наличии в составе городского населения этого периода представителей местных меото-сарматских племен, а в позднюю эпоху — племей кавказского круга народов, причем количество этого местного населения в первые века нашей эры сильно выросло, что оказало влияние на общий характер городской культуры и выразилось в увеличении в ней роли сарматских элементов.

В керамике это нашло свое выражение в появлении новых форм сосудов, частично повторяющих типы керамики, характерные для городищ и могильников окружающих Фанагорию племен. Наряду с такой керамикой в Фанагории имеются новые типы, представляющие собой соединение античных и местных элементов и появившиеся, вероятно, как результат взаимовлияния этих двух элементов населения и прямого подражания античным формам керамики.

И. Т. Кругликова

О «ЗАГАДОЧНЫХ ЗНАКАХ» СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

«Загадочные знаки», встречающиеся на различных памятниках Северного Причерноморья, издавна привлекали внимание исследователей. Сложившиеся по этому вопросу теории наиболее полно изложены и разобраны в работе академика Мещанинова, специально посвященной «загадочным знакам»¹ Они считались родовыми тамгами, буквами письменности неизвестного языка готов, аланов или сарматов, или знаками магического письма, особой криптографии. В подтверждение последнего мнения привлекались мраморные таблички, исписанные греческими буквами, не дающими, однако, греческих слов, иногда с прибавлением «загадочных знаков»². На некоторых из этих таблиц буквы заменены сложными, не поддающимися расшифровке монограммами. Часть из них найдена в могилах, вследствие чего Латышев связывал их с погребальными обрядами.

Академик Мещанинов считает, что частично «загадочные знаки» могли быть родовыми тамгами, которые с ростом классовой дифференциации среди местного населения

¹ И. И. Мещанинов, Загадочные знаки Причерноморья, ИГАИМК, вып. 62 (1933), стр. 1—23.

² IOSPE, I, 166, 1—6; 300, XV, стр. 499 сл.; ЗРАО, IV (1889), стр. 134 сл.

приобретали характер идеограмм. Вставленные в тексты, написанные на каком-либо местном языке греческими буквами, они должны были передавать те звуки, которые не могли быть переданы с помощью греческого алфавита. Однако И. И. Мещанипов указывает, что для разрешения вопроса о «загадочных знаках» должны быть использованы разные пути и что общего решения для всех случаев дать нельзя.

В этой связи известный интерес представляет небольшая вещица, найденная в 1937 г. в Херсонесе, в римском слое (рис. 1). Это глиняный краснолаковый кружок, с серовато-желтым рельефным изображением мужской фигуры, повернутой влево. Левая рука согнута. Голова и рука окружены стилизованными ветвями и цветами. Возможно, что большая ветвь слева от фигуры представляет собою большую виноградную лозу, которую человек несет в правой руке. По обе стороны его находятся солнечные диски, а справа, кроме того, кружок без лучей, возможно, лун-

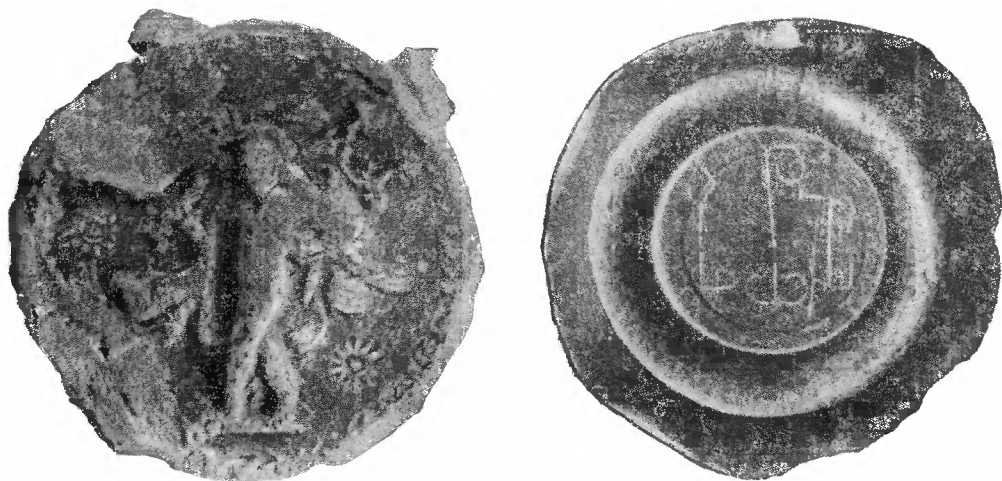

Рис. 1. Глиняный кружок из раскопок 1937 г. в Херсонесе: слева — лицевая сторона; справа — оборотная сторона

ный диск. Изображение нечеткое, поэтому нельзя с уверенностью сказать, имеет ли представленный на нем человек остроконечную бороду, или просто овал его лица значительно удлиннен. На оборотной стороне кружка нацарапаны три «загадочных» знака, а на краю — солярные знаки. Очевидно, этот кружок являлся доньшком какого-то сосуда, но затем был отломан и края его отполированы. Может быть, в таком виде он служил амулетом.

Хотя само изображение не имеет аналогий среди других памятников античности, но тип фигуры и стилизованных растений имеет некоторое сходство с канторшиатами IV в., изображающими Аттиса и Диониса¹, с рельефом из Малой Азии христианского времени, представляющим Орфея среди стилизованных ветвей² и с некоторыми монетами Ликии, Фригии и Пафлагонии времени Каракаллы и Гордиана. Это позволяет отнести его к сравнительно позднему времени: III—IV вв. Об этом же свидетельствуют солнечный и, видимо, лунный диски. Ведь и на монетах солнце и звезды появляются в Риме начиная с Северов, а в Причерноморье начиная с Савромата II, умершего в 211 г. Повидимому, на кружке изображено некое божество растительности, связанное также с солярными культами.

¹ В e r n h a r t, Handbuch zur Münzkunde der Römischen Kaiserzeit, 1926, табл. 43, №№ 1 и 4.

² МАМА, т. VI, табл. 60, № 342.

Наиболее близко к такому божеству подходил бы Аттис, который в более позднее время считался и солнечным богом, но против этого говорит отсутствие на нашем изображении фригийского колпака и, возможно, наличие бороды. Очевидно, это какое-то другое божество из малоазийского дионисовского круга типа Сабасия или Мена, хотя отсутствие обычных атрибутов — кафара, тирса и т. п. крайне затрудняет отождествление.

Штерн в своей работе «Graffiti на античных южно-русских сосудах» в ряде случаев восстанавливает буквы ΠΑ в слово Παμί и считает их посвящением Пану. Но в данном случае изображение руки заставляет сразу вспомнить о Сабасии, с которым связаны многочисленные votives в форме рук, а так как этот бог часто отождествлялся с Аттисом, то можно думать, что Πα это начало слова Πάππας, которым нередко обозначался Аттис. Между тем, нацарапанная на внутренней стороне голова по острой бородке и отсутствию головного убора имеет некоторое сходство с головой нашего рельефа. Таким образом, это могло быть какое-нибудь сложившееся в представлении жителей Северного Причерноморья синкретическое божество, вообравшее в себя и черты Аттиса и черты Сабасия и, может быть, по созвучию с эпитетом Аттиса — Πάππας, что-либо заимствовавшее и от Зевса-Папая. Заметим, что причерноморские граффити с буквами Πα довольно многочисленны.

И Аттис и, особенно, Сабасий в поздние времена были тесно связаны с различными магическими операциями и амулетами, что подкрепляет предположение о таком же назначении нашего кружка. Об этом же свидетельствуют и солярные символы, широко применявшиеся в магии. Если так, то и начертанные на кружке «загадочные знаки», очевидно, носили магический характер. Такие магические знаки были распространены по всему римскому миру и были неотъемлемой частью колдовских папирусов и табличек, где встречались вместе с именами демонов и греческими буквами, не дававшими, однако, в сочетании никаких греческих слов. Здесь мы видим аналогю с упомянутыми мраморными табличками. Такие таблички с заклятиями обычно зарывались в могилы, чтобы быть ближе к подземным богам и духам мертвых.

В огромном большинстве случаев происхождение этих знаков, вероятно, установить невозможно. Но иногда мы видим, что аналогичные знаки произошли из измененных до неузнаваемости букв, монограмм и символов. Напр., на христианских памят-

никах Малой Азии слово Σωτήρ сокращается в [Ϛϛ] и в монограмму 1. То

же слово часто встречается на южнорусских граффити эллинистического и римского времени в различных сокращениях, например ΣΩΤΗ (архив Херсонесского музея, дело 436, № 21), Σω (на вазе из Керчи, ИАК, III, стр. 164), **СΩΤΗ ΛΩ** (Херсонес) и, наконец, в виде одного знака **Λ** (Ольвия).

Таким образом, мы видим, что слово Σωτήρ или посвящение Σωτήρι: сокращается постепенно до знака, который, если бы мы не имели промежуточных этапов, оказался бы совершенно непонятным и был бы причислен к «загадочным». Нередко сокращения слова Σωτήρ встречаются с солярными символами или с именами богов, которым дается этот эпитет. Имена приведены полностью, напр. ΟΥΣΥ:ΤΗΡ, т. е. [Δι]ός Σωτήρ[ος] (Херсонес, 1937 г., № 3861) или в сокращениях, напр.,

(Штерн, Graffiti..., стр. 177), **ΠΡСΛ** (архив ГХМ, дело 436, № 127), что расшифровывается как Πρ[αχλα:] σω[τήρι]. Чрезвычайно часто встречающееся на граффити имя Геракла тоже сокращается как ΗΡΑΚ (архив ГХМ, 436, №№ 14, 72), более обычно как **ΗΡ** и, наконец, остается только первая буква его имени с непонятной моно-

¹ МАМА, т. III, №№ 668 и 676.

граммой ΗϜ (Херс. музей, 1928, № 30602). Так, часто употреблявшиеся имена и эпитеты богов приближаются к «загадочным знакам». Возможно, что сокращение слова Ϝατήρ входит в группу букв и знаков, нацарапанных на крышечке чрезвычайно изящ-

ного краснолакового кувшинчика, найденного в Тире: (Тирский музей,

№ А—3761), последние буквы в верхней строчке могут быть прочтены как Σω.

Сокращения и причудливые монограммы появлялись в позднейшее время не только в именах богов, но и в именах людей (см., например, эпитафии на христианских гробницах в МАМА, т. III, №№ 180, 191). Буквы снабжаются различными украшениями, располагаются в различных направлениях, напр., в граффити на краснолаковом донышке из Херсонеса (1929 г. № $\frac{3}{35365}$, ΑϜΒ).

В таком виде эти буквы и монограммы попадали в магические тексты. Они были хорошо известны в Северном Причерноморье. Не говоря уже об изданных Латышевым мраморных таблицах, назначение которых может быть спорно, можно указать на найденные в Херсонесе «абраксас — геммы»¹ и особенно на опубликованные Шкорпилом амулеты² христианского времени. В них соединяются магические знаки, непонятный набор греческих букв и несколько греческих слов, свидетельствующих о назначении амулетов служить против болезней, а также имена богини Гигии и персидские имена: Абрагадзан и Фаспарта. Среди знаков неоднократно попадает монограмма Геракла и первая буква его имени Η. Повидимому, эта же буква в соединении с непонятным значком начертана на маленьком бронзовом зеркале из гробницы в Керчи, найденном на груди покойника³. Повидимому, она тоже носит магический характер.

Присмотревшись к «загадочным знакам» на нашем кружке (рис. 1), мы увидим, что они также, по крайней мере частично, состоят из монограмм. Средний знак, несомненно, представляет собой сочетание букв ρ и ω, в состав левого знака входит буква η и, возможно, ι. Правый знак, может быть, является перевернутой буквой τ с украшением, подобно вышеприведенному graffiti на краснолаковом донышке из Херсонеса, где τ снабжен кружком на конце, а буква ρ перевернута. Но верхний ромб может также означать ο или δ, как на некоторых поздних эпитафиях из Малой Азии. Предложить какое-нибудь определенное чтение было бы рискованно. Может быть, левый и средний знак составляли посвящение «Ηρωι»; а если принять верхнюю часть левого за σ, от которой остался только угол L, как на приводившихся выше graffiti, а среднюю часть того же знака за τ, то из соединения левого и среднего знака получится слово Ϝατήρ с причудливо перемешанными буквами. Но все это более чем гадательно.

Во всяком случае важно, что кружок как по изображению на нем, так и по солярным символам, очевидно, имел отношение к магии, и, следовательно, нацарапанные на нем «загадочные знаки» также носили магический характер, причем произошли из каких-то монограмм, возможно, означавших имена того или иного демона или бога. Таково же происхождение и некоторых других «загадочных знаков».

Это, конечно, не значит, что все «загадочные знаки» носили такой же характер. Очевидно, были среди них и родовые тамги (например, известный знак боспорских царей) и, может быть, какие-то знаки пачинавшейся местной письменности. В каждом отдельном случае должен учитываться общий характер памятника.

Для Херсонеса, более тесно связанного с римским миром и особенно с Малой Азией, возможно предположить, что большинство «загадочных знаков», имеющих на найденных там памятниках, носило магический и культовый характер и произошло из стилизованных букв, монограмм или символов.

Е. М. Штаерман

¹ ИАК, XXV, стр. 160.

² ЗОО, т. XXI, протокол 306 заседания, стр. 8—11.

³ ИАК, XXV, стр. 17. В этой же гробнице найдена монета царя Инифимена; следовательно, она также позднего времени.